

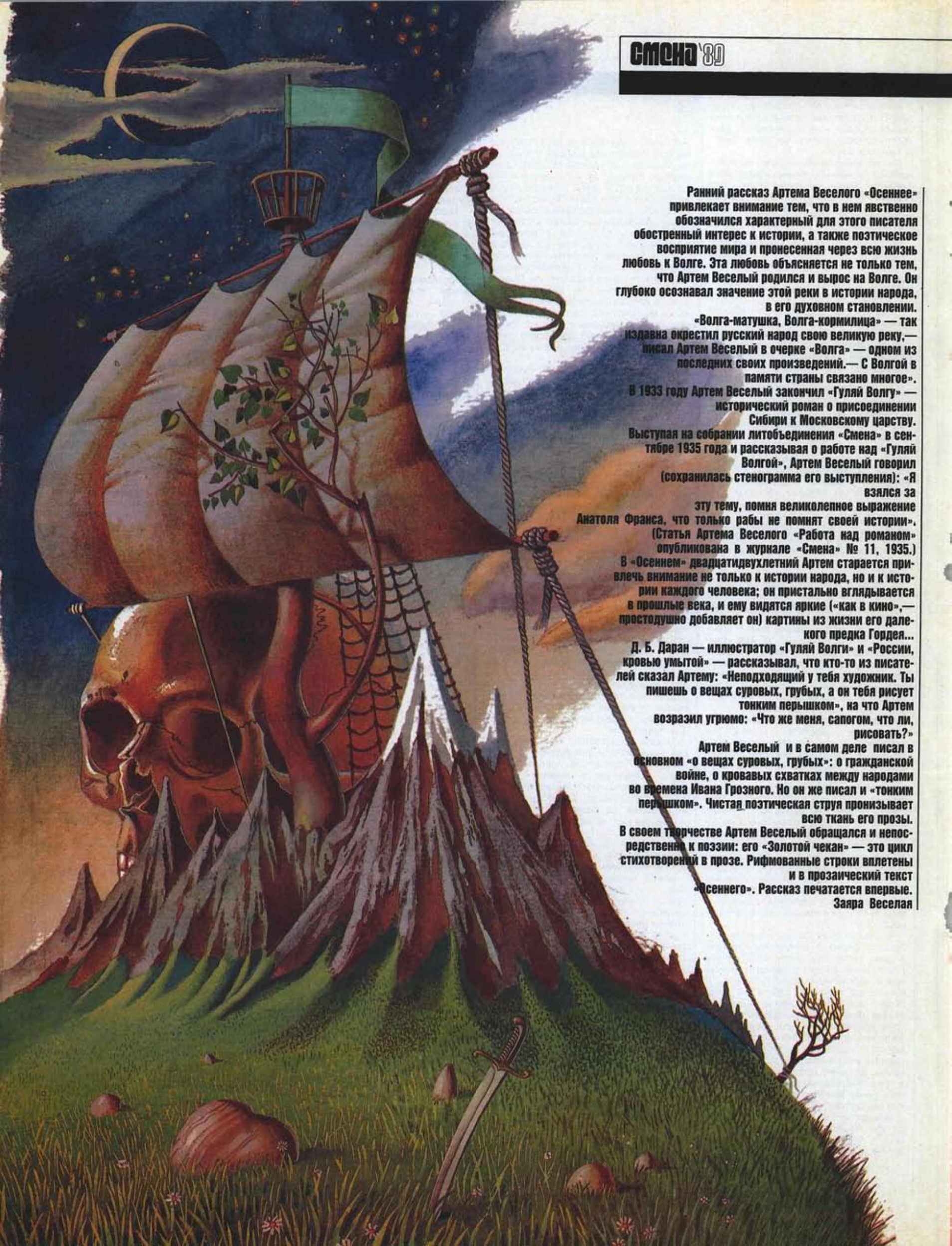
- Таможня на весах экономики. Беседа
- Наши публикации. Ранний рассказ Артема Веселого ■ Кого считать алкоголиком? Мнение ученого
- Советский рок на внешнем рынке. Заметки музыковеда. ■ Э. Гарднер. «Дело об отпечатке губ»

СПОЛН

12

**КАК
ЖИВЕТСЯ
КАМЧАДАЛУ...**
(читайте стр. 4—5)

Ранний рассказ Артема Веселого «Осеннее» привлекает внимание тем, что в нем явственно обозначился характерный для этого писателя обостренный интерес к истории, а также поэтическое восприятие мира и пронесенная через всю жизнь любовь к Волге. Эта любовь объясняется не только тем, что Артем Веселый родился и вырос на Волге. Он глубоко осознавал значение этой реки в истории народа, в его духовном становлении.

«Волга-матушка, Волга-кормилица» — так издавна окрестил русский народ свою великую реку, — писал Артем Веселый в очерке «Волга» — одним из последних своих произведений. — С Волгой в памяти страны связано многое».

В 1933 году Артем Веселый закончил «Гуляй Волгу» — исторический роман о присоединении Сибири к Московскому царству.

Выступая на собрании литобъединения «Смена» в сентябре 1935 года и рассказывая о работе над «Гуляй Волгой», Артем Веселый говорил (сохранилась стенограмма его выступления): «Я

взялся за эту тему, помня великолепное выражение Анатоля Франса, что только рабы не помнят своей истории».

(Статья Артема Веселого «Работа над романом» опубликована в журнале «Смена» № 11, 1935.)

В «Осеннем» двадцатидвухлетний Артем старается привлечь внимание не только к истории народа, но и к истории каждого человека; он пристально вглядывается в прошлые века, и ему видятся яркие («как в кино», — простоудушно добавляет он) картины из жизни его далекого предка Гордея...

Д. Б. Даран — иллюстратор «Гуляй Волги» и «России, кровью умытой» — рассказывал, что кто-то из писателей сказал Артему: «Неподходящий у тебя художник. Ты пишешь о вещах суровых, грубых, а он тебя рисует тонким перышком», на что Артем возразил угрюмо: «Что же меня, сапогом, что ли, рисовать?»

Артем Веселый и в самом деле писал в основном «о вещах суровых, грубых»: о гражданской войне, о кровавых схватках между народами во времена Ивана Грозного. Но он же писал и «тонким перышком». Чистая поэтическая струя пронизывает всю ткань его прозы.

В своем творчестве Артем Веселый обращался и непосредственно к поэзии: его «Золотой чекан» — это цикл стихотворений в прозе. Рифмованные строки вплетены и в прозаический текст «Осеннего». Рассказ печатается впервые. Зояра Веселая

Артем ВЕСЕЛЫЙ

ОСЕНЬНОЕ

Сажу перед окном и слушаю шорох льющегося дождя и шум ветра.

Весна, лето, осень, зима. Так же быстро проходят весна и лето нашей жизни. Приходит осень жизни без нарядных цветов, без яркого горячего солнца, без благодатных дождей.

Идет осень с чуткой, тихой грустью, с прозрачной печалью.

За холодом и непогодой осени холодный блеск зимы глаз.

Враз овраги наполняются пенящимся снегом. Мороз напудрит

Кудри лесов, скрипнет зубами, рассыпет серебристый иней.

Линий узор распишет окна. По широкому раздолью полей завьюжит,

Завьюжит Сиверка-вьюга. Взметнет крыльями белоснежными.

Снежным саваном оденутся земля, леса и реки, Как некий сказочный богатырь. Зиме седые космы

вьюга

На досуге расчешет, заплетет в причудливые косы. В синие звездные ночи

В очи будет литься волшебный, чарующий свет Планет загадочных и далеких. По безмолвным

просторам полей, Степей с пугливым шорохом поползут, крутя

воронки,

Поземков ломкие кромки. И как заблудившиеся корабли в туманных морях,

В полях, курящихся непогодой в свете ночных огней Фонарей, поплывут города к далям безбрежным, неведомым.

В небо взметнутся столбы светящихся мачт, переплетутся в тучах

Лучи рей, вантов, гафелей, шкивов.

Зима своим мертвящим ледяным дыханием останавливает бег

Рек, рост дерев, дыхание растений. Потом опять весна!

Брызги золотого солнца, шум жизни, радость движения, стремленья к достижениям, пыль счастья, огонь дерзаний, дым мечтаний; опять в жилах булькающее жидкое железо, в сердце цвет, в душе пожарище, в руках огонь, в голове хмельной и пьянящий мед жизни!

Опять нас будет радовать синева неба и бирюза бездонных морей.

А серебряные ленты весенних рек, путанные узоры лесов и полей, расплеснутые брызги цветов — как яркие заплатки в рубищах нищего — замечает человеческой кровью земли.

Мы — малые искры в вечности. Каждому из нас дана только одна жизнь, одна секунда во времени.

Мы — пылинки мироздания. Каждый из нас выныривает откуда-то из тьмы времен, чтобы ПОЖИТЬ и уйти в страну небытия.

Человек живет только один раз, а потому должен дорожить каждым мгновением своей короткой жизни.

Я люблю жизнь, безумно люблю! Потому что моя

душа озарена солнцем пламенной любви и разумом.

Мироздание безначально и бесконечно. На протяжении времен менялись, гибли, жили и умирали великое множество живых существ и неорганических веществ, и движение не прекращалось ни на мгновение.

Мой разум не источник ржавчиной ложных наук, и я слушаю один голос —

Голос природы.

И я как частица мироздания, как частица вечной жизни тоже бессмертен.

Бессмертен по крови и плоти человеческой. Каждый человек, в глазах которого светится разум, — брат мне, кровный, дорогой.

И мой самый далекий и самый близкий предок — частица меня самого.

И не двадцать лет, а сотни, тысячи, десятки, сотни тысяч лет живу я. Как в предутреннем тумане, в седой глубине прошедших веков вижу себя то раскачивающимся на хвосте на суке исполинского дерева, то живущего в первобытной общине, то идущего в облаках пыли и бесчисленных скопищах воинов-кочевников.

И помню всю горечь поражений и буйную, пенящуюся радость побед. И сейчас сквозь шорох льющегося дождя слышу отдаленный шум кровавых битв, вой, заклинания и благословения матерей и возлюбленных, провожающих нас в бой; лязг сабель и мечей, звериный рев и оглушительный свист наступающих, которые грозны и сильны, как волны разбушевавшегося моря.

Слышу грохот рушившихся крепостных стен, вопли отчаяния и перекатывающиеся, подобные весеннему грому, крики ликования, от которых дрожала вся земля.

И шумные победные пиры, И звон ковшей опорожненных, И ласки страстные влюбленных, Счастливым смех и шепот средь ночи —

Все помню я, Все помню я.

Как быстро вертится колесо жизни: весна, лето, осень, зима, весна, лето, осень, зима.

И жизнь человека, как река: отливает, приливает, отливает, приливает.

Радость, горе, счастье, несчастье, удача, неудача. Пусть найдется мудрец, который скажет, где начало и где конец видимого света, где начало и конец тьмы. Сотни и сотни тысяч веков Волга несет свои воды в море и не убывает, а море до сих пор не наполнилось аскленье, и волны не перехлестывают берегов его.

Сверкающее, звенящее море по-прежнему поет свои песни вечности, и в его широкое зеркало смотрится далекое небо.

Так и жизнь человеческая.

Умирали одни, и родились другие, более совершенные. Умирали эти, и на свет появлялись новые, наделенные еще большим разумом. И среди каждого нового поколения становилось все меньше людей-зверей, все меньше тупых и бездушных животных и все больше сознательных, сильных и смелых творцов.

И сейчас те из нас, наделенные умом и знаниями, стоящие на грани новых грядущих веков, — все-таки кровно связаны с темным прошлым, связаны подсознательной инстинктивной памятью.

Мой отец Иван, и его отец Николай, и отец его отца Фома, и отец Фомы Кондрат — крестьяне деревни Печенейки Симбирской губернии Ардатовского уезда Апракинской волости.

Все их жизни я чувствую в себе. Их думы хранятся в моей памяти, как слепо отпечатанные репродукции дрянных картин.

А вот у деда Кондрата — Гордея — жизнь была яркая, а потому и передалась мне свежо. И всю жизнь Гордея я осязаю и помню так же ясно, как вчерашний прожитый день. И детство, и юность, и вся жизнь Гордея передо мной, как в кино...

Вот кусочек детства...

...Недоброе чуяло материнское сердце. Всю ночь она стонала и тяжело вздыхала. В одной холщовой рубашке с распущенными волосами то и дело выбежала на утес и пылливо вглядывалась в непроницаемую тьму ночи, вслушивалась в рев ветра.

Всю ночь как из ведра лил дождь, ревел ветер. Глухо и злобно стонала Волга.

Гордей — семилетний хлопчик — лежал в пещере, закутанный в звериные шкуры, слушал шум дождя и вой злого ветра.

Посредине пещеры в потухающем костре теплились угли.

Дряхлый старик-хохол, неспособный к бою и оставленный караулить стан, полулежал около костра и дремал. Его безбородое, сожженное солнцем и черное от времени лицо было неподвижно, как камень.

Гордею семь годков, но он уже был настолько силен, что тяжелым тяткиным мечом перерубал с одного маху дерево толщиной в свою руку.

Недаром через неделю после рождения Гордея (а это было глубокой осенью) его тятка заместо крещения макал в прорубь. И недаром его выпаивали молоком волчицы и кормили медвежьим мясом.

...Ветер порывами рвал кошку над входом, залетал в пещеру и сдувал пепел с тлевших углей. Костер вспыхивал, разгонял по дальним углам темноту и опять потухал.

С воем ветра доносились зловеющие крики сов и филинов. Старик вздрагивал, открывал глаза и крестился.

— Ге! Чтоб те пусто було.

Старик подбрасывал в костер сучьев и, чтобы окончательно прогнать дремоту, заговаривал с Гордеем.

— А цр, хлопчик, куда подевалась матка?

Гордею не хочется с ним разговаривать, он закрывает глаза и делает вид, что спит.

Старик набивает дорогом табаком свой вонючий чубук, берет из костра горячий уголек и закуривает. От старости и беспробудного пьянства его голова трясется, и он что-то бормочет себе под нос.

Тятка говорил, что хохол с чертями знается, Гордею страшно.

Докурив, хохол старательно выбивает чубук, привешивает его к поясу, и снова голова старика клонится на плечо, он начинает дремать.

Кажется, конца не будет этой проклятой ночи. Мать бесшумно, как кошка, скользнула в черную дыру прохода и легла возле Гордея.

— Ох, сынок, недоброе чуёт мое сердце! Недаром совы кружат над нашим логовом да кричат: «К худу! К худу!» — шептала мать, обнимая и целуя сына. Мокрая от дождя, иззябшая на ледяном ветру, она дрожала и все целовала, целовала сына в щеки, в губы, в лоб, и горячие слезы ее заливали ему лицо.

— Ох, сынок, недоброе чуёт мое сердце.

До боли сцепив зубы, Гордей лежал и молчал. Ему и самому хотелось плакать, но он не смел плакать — было стыдно и себя, и мамки.

Да и хохол проснуться мог, увидал бы он слезы Гордея, да и сказал, качая своей головой:

— Эге! Ось атаманов сынку лье слезы як стара баба.

И тогда Гордей умер бы от стыда и обиды.

Скоро под баюкающее завывание ветра Гордей заснул и во сне увидел страшную картину.

...По широкому простору Волги с пенящимися гребнями катились беляки. Шесть лодок с поднятыми парусами, прыгая с волны на волну, неслись в черную даль. И видит Гордей тятку, стоящего у руля на самом большом восьмивесельном струге.

Легкий и быстроходный струг, направленный умелой рукой, с шумом резал черную воду и под боковым ветром ходко летел вперед, оставляя позади все остальные.

Набегавшие волны с шумом разбивались о корму и брызгами и водяной пылью обдавали тятку с головы до пят.

Темень кругом стояла непроглядная, точно обнялись над Волгой разом сорок сороков ночей. Дождь лил, ветер свистел в снастях.

Зоркие у отца Гордеева были глаза, как у беркута степного, но и он с трудом разглядывал очертания берегов; а больше по воде, по течению угадывал, где находится берег, и коротко выкрикивал приказания.

Да изредка перекликались между собой разбойники простуженными, силпыми голосами. Некоторые спали, измучившись за день.

Отец во все время погони вот уже трое суток как был на ногах, но обо сне, об отдыхе и думать не смел.

Он как атаман, как голова шайки, больше всех заботился о том, как бы добычу не упустить, как бы в беду не попасть.

И вот впереди, совсем недалеко, во тьме ночи блеснул яркий огонек. Радостно вздрогнул атаман:

— «Боярыня»!

И тихо скомандовал:

— Снимай паруса, садись в весла!

Зашевелились на челноках ребята. Проворно и умело убрали паруса, будили спящих и брались за весла.

— Выпей перед началом дела! — опять раздалась негромкая команда.

Удальцы не заставляли себя просить, и, выкатив бочонки с вином, наполнили ковши и чарки золоченые, чокнулись — выпили, налили еще и это выпили, налили еще и опять выпили.

Топоры, кистени к поясам привесили, взялись за весла и начали грести к огоньку сильно, дружно и бесшумно.

Ныряя по волнам, быстро понеслись струги.

«Боярыня» стояла на якоре. Место здесь было глубокое. Видно, купец Лыков побоялся вести свою посудину в такую непогоду да темень, боялся на мель наскочить, об камень разбиться.

Первым подлетел к «Боярыне» тяткин струг. За ним бесшумно подплыли остальные. Условились, как начин делать, разъехались. Две лодки с кормы и по две с бортов. Тихо на «Боярыне». Высоко на мачте мигает огонек фонаря. Только волны яростно хлещут в крутые бока судна. Спал, видимо, купец с челядью своей и гостей не ждал.

По рулю бесшумно, один за другим, полезли на судно ушкунники. Труднее было взобраться с борту. Кинул тятка на борт веревку с железным крюком, зацепился за что-то крюк, подергали — крепко. Полез по веревке Ониска Сыч, крюк сорвался, Ониска в воду, молча вытащили его.

К смолянскому боку «Боярыни» прислонился брюхом Гришка Аркан, шепчет Сопливному:

— Лезь.

Подсадили Сопливого, взобрался он на горб Аркану, потом на плечи ногами встал, мычит:

— Не достать.

— На голову залезай, черт!

Встал Сопливый ногами на Гришкину голову, накренилась лодка на один бок, зачерпнула бортом воды, подломился Гришка, оба в воду грузно шлепнулись. И этих вытащили.

По тяткиному горбу взобрался на судно легкий на ногу Афонька Копыл, закрепил веревку, тогда и отец полез.

К тому времени на барже шум поднялся. Первым проснулся купец Лыков. Чуткий был сон у старого пса, и во сне он стерег добро свое.

В подштаниках, в широкой посконной рубаше до колен выбежал он из каюты — богатырь-мужик, росту высоченного, в плечах сажень. В одной руке пистолет длинный наготове держит, в другой — фонарь.

Из трюмов приказчики купцов да служилые люди на зов хозяйский выбегают. В руках у кого копые с железным наконечником, у кого топор, у кого ружье кремневое.

Увидел купец голову тяткину, что лез из-за борта, да и кричит громовым голосом:

— Свят! Свят! Свят! Что за люди?!

Захотел отец так, что мороз подрал по коже и купца, и людей его.

— Гости! Гости!

Не успел тятка на борт влезть, как подлетел приказчик купцов, да как его топором хватит, тятка с раздробленной башкой полетел назад в лодку.

— Атамана зарубили! — диким голосом заорал Гордей и проснулся.

Старик-хохол сквозь сон услышал крик Гордеев и, схватившись за кинжал, вскочил на ноги. Гордей рассказал ему свой страшный сон.

Старик полплатнее закутался в шелковый халат, и скоро громкое сопенье и храп убедили, что он уснул. Гордей пошел к матери.

Ветер шумел с прежней силой, не переставая лил дождь. Внизу во тьме с шумом катились и плескались в скалы могучие волны. Низко-низко неслись черные лохматые тучи. Утро было серое, холодное.

Вечером воротилась шайка с богатой добычей. Отец Гордея был зарублен.

...Ночь спустилась на Волгу. В воде горят и отражаются крупные вздрагивающие звезды. Похоже, будто бродит кто-то по дну с фонариками и ищет что-то.

По водной глади пролегла широкая светящаяся

лунная путь-дорога, хоть на тройке скачи.

Лунным светом залиты и леса, и молчаливые хмурые горы.

Вольнолюбивые смерды-разбойники сидят вокруг разложенных костров, варят уху и балагурят.

Старик-калмык Али-амдян садится на обрыв и начинает играть на гуслях. Под его черными крючковатыми пальцами струны поют точно живые. Все слушают.

...Вот сквозь треньканье и звон струн слышится шорох и тихие песни волн, тихие вздохи Волги... Потом далекая песня разбойников. Ближе, ближе. Песнь слышнее. Выделяются отдельные охрипшие голоса. Посвист молодецкий. Уже в звонком говоре перебираемых струн слышится разгульная песня вольных людей, нестройный гул пьяных голосов, топот и храп загнанных коней...

Со стороны слушателей шум одобрения. Старикую подносят вина.

Али-амдян переходит в кружало и начинает рассказывать погудки, побаски, сказки и были, которые сохранила его память.

Разбойничал он с малых лет и много исходил краев. Был и на Урале, и на Яике, и в брянских лесах, и в персидской земле, и в туречине. Много он рассказывал о своих странствиях, а еще больше о чудах, об оборотнях, о колдунах, об атаманах разбойничьих, об их удали и храбрости, о кладах, зарытых в чугунных котлах и просмоленных парусинах.

Свой сказ о седой старине он ведет неторопливым скрипучим голосом, время от времени промачивая глотку чаркой доброго вина...

...Дует низовый ветер. Яркими живыми космами вскидывается пламя костра. Свет торопливо бежит от одного разбойника к другому и освещает, выхватывая из темноты, то расплесные татарские сапоги, то парчовые и бархатные кафтаны, то лохматые всклокоченные бороды, головы, заломленные на затылок татарские писаные чапашки, валяные шляпы и высокие бараньи шапки...

Не десять, не двадцать и не тридцать годов живет каждый из нас. Десятки, сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч веков за нашими спинами.

Столетия упорной суровой борьбы с людьми белой кости. Каждый из нас вынес много черной нужды и лишений. Каждый из нас подсознательно хранит память о канувших в вечность годах, о былых жестоких битвах, о тяжелых поражениях и радостных победах. Мы закапались и огрубели в непрерывной борьбе, тянувшейся веками.

И в недалеком прошлом, когда нашим дедам — крепостным челядникам — становилось кормиться немочно, они уходили в дремучие леса, убегали на Волгу и образовывали там разбойничьи ватаги, от которых не было ни конному проезду, ни пешему проходу.

И наши предки в своих натурах уже носили нас, и мы сейчас носим зерна их характеров и привычек. И когда они уходили в бега, то вместе с ними уходили уже и мы, еще не родившиеся на свет, но уже посеянные в их душах и натурах.

Весело жили воры-разбойнички, нужды да горюшка не ведали и искали опасности и славы. А вместе с ними подвергались опасностям и гордились, и радовались успехам и мы, еще не рожденные на свет.

...Сегодня веселился атаман, и все вокруг него веселилось. Плясали лес и горы!

Несмотря на ранний час, солнце уже пылало над горами, все было давным-давно пьяно. Шайка предавалась бесшабашному дикому разгулу. Все пели, орли, свистали, хвастались друг перед другом подвигами и схватками.

Шум и песня разносились далеко кругом. Заячьи Уши чертом носился вокруг цыгана, то на десять локтей вскидывался вверх, то пускался вприсядку, лихо выбивая ногами частуху, только пыль летела из-под его расстрепанных татарских ичи.

— Тряхни! Тряхни! — советуют цыгану окружающие.

Цыган, ударив оземь тяжелой шапкой и тряхнув смоляными кудрями, начинает часто стучать подковами каблук в убитую землю.

Он щелкает языком, гайкает, орет, и вся его черная собачья морда сияет удовольствием. Треплются полы его малинового полукафтана.

...Или вижу себя в большом старинном городе, толкающимся на торжище...

Гости, купцы и пришлые торговые люди разложили по полкам своих лавок сукна дорогие, бархат, шелка и пушистые цветные узорчатые ковры-персиды.

И мой взор ласкают рассыпанные в ящиках под стеклами искрометные жемчуга, самоцветные камни, похожие на тлеющие угли, и черные алмазы, подобные глазам хищных тигров, еще водившихся тогда в низовьях Волги, в астраханских камышах.

И над палатками тихо раскачиваются растянутые на палках шкуры пушного зверя.

Неразумный, пьяный хмель бродит по толпе... Шумят...

Шуты в балаганах показывают разные занятные штуки, выкидывают непостижимые уму фокусы.

И нищие с большими холщовыми сумами, и юродивые, и слепцы с поводьями и стоят, и сидят, и ползут, и гнушают на разные голоса, и поют, и просят.

И большие медные гроши и трешники сыпятся, глухо стучаясь в их деревянные чашки.

И охрипшими за день голосами купцы выкрикивают свои товары и заывают к себе.

Туда-сюда, взад-вперед снуют чернь. И важно и чинно расхаживают спесивые дворяне, окруженные челядью. На дворянах высокие шапки и праздничные нарядные кафтаны и бердыши привешаны.

И в толпе толкаются и всему дивятся служилые, ратные люди и монахи, приехавшие на торжище из далеких уединенных скитов.

И ревет, встав на задние лапы, медведь с продетым в ноздрю кольцо.

И, поджав животы, визжат от удовольствия мальчишки и при каждом движении мишки отпрыгивают в сторону.

И дударь играет на дуде. И все ходят, веселятся, ржут, грызут семечки и орехи. Снуют туда-сюда, взад-вперед. То пощупают, то попробуют, к этому приценятся.

Пьяный хмель бродит в толпе...

Природа — высший организатор. В мире все мудро устроено. Мироздание — величайший космос и вместе величайший хаос.

Колесо жизни вечно...

Весной молодые зеленые листья покрывают деревья, опережаются птенцы, линяют и обрастают новой шерстью животные, оживают козявки и букашки. По зорям реки и озера курятся серым туманом, который собирается в тучи.

Теплыми светящимися слезами разливаются тучи по лицу земли. Вода и тепло дают жизнь всему живущему. С приходом весны буйно и неудержимо тянутся к жизни трава, молодые побеги кустарников, и почки развертываются под благодатными солнечными лучами.

Весну и лето они живут и растут, осенью увядают, зимой умирают.

Весной все снова и снова — может быть, в 1 000 000 000 раз — все возвращаются к жизни.

И в зародыше новых ростков — семена старых растений. И зерна всех современных наук уже были в сознании человечества посеяны в глубокой древности.

В мироздании все проходяще, все текуче, и все вечно.

День сменяет вечер, вечер — ночь, ночь — утро, утро — день, день — вечер, вечер — ночь, ночь сменяет утро, и всегда и неизбежно утро сменяется днем.

Зима, весна, лето, осень. Зима, весна, лето, осень, зима, и за зимой всегда приходит весна.

Мы родимся. И весна — детство — радость беззаботной жизни пьянит нас, и сверкающее счастье бытия слепит наши глаза... Лето — юность, молодость и зрелые годы — мы набираем сил, соков, любим, живем, растем, радуемся, развиваемся, совершенствуемся. И в молодости наша кожа эластична и мягка, а тело стройно, гибко, упруго и сильно.

Осень — старость. Засыхаем, увядаем, свет меркнет в наших потускневших глазах, и прелесть мира и красоты природы не веселят и не радуют нас.

Зима — смерть, умираем.

Умирает наша изношенная материя, разрушается и гибнет организм, умирает духовное «я».

Гниет и уничтожается тело. Гниет мясо, разъеденное многими недугами, гниют ослабевшие, вытянутые, переродившиеся мускулы, гниет высохшая, прилипшая к костям кожа, гниют выжженные солнцем, выветрившиеся космы седых волос.

Юность сменяется молодостью, молодость старостью, старость смертью.

Смерть есть изменение вещественного мира. А всякое изменение вещественного мира есть только движение.

Вечное движение!

Вместе с нашим физическим «я» исчезает и «я» духовное.

И в то же самое время мы щепки, крутящиеся на самом гребне времен, мы пылинки мироздания, звенья бесконечной цепи бытия; во тьме близкого и далекого прошлого наши физические и духовные корни, и в близком и далеком будущем семена каждого человека-творца.

Жизнь человека — мгновение во времени.

И как ничтожны и слепы те люди, лица которых недвижны, как болота, и души которых не озарены ослепляющим огнем Величайшего.

А для тех, чьи души разверсты для прекрасного, жизнь — это цветущий сад!

Я люблю, безумно люблю жизнь! В моей душе несметные сокровища, необозримые россыпи солнечных осколков, в моей душе — любовь!

Любовь! Она вливает в меня силы титана, разум мудреца и веселье ребенка!

Каждая жилочка во мне, каждый атом моего существа кричит:

— Жить!

— Любить!

Да здравствует жизнь!

И да процветает моя любовь!

Жить!

Жить!